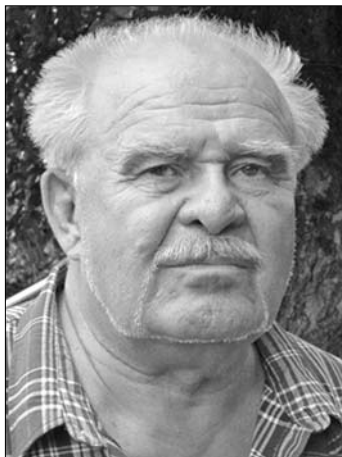

ЮРИЙ СТАНКЕВИЧ

ЯЙЦО КУКУШКИ

РАССКАЗЫ

“Нет, правда, у меня какой-то ненатурально жёлтый цвет лица”, — думала стареющая женщина по имени Марта Богуш, которая сидела в кресле в гостиной своей небольшой двушки и вяло следила за тем, как уходит за горизонт очередной день. За окном быстро смеркалось. В свете фонаря на уличном столбе она видела, как моросит осенний дождик. Из комнатухи её приёмного сына Дениса долетали голоса актёров, нет-нет да и прерываемые нарочито громкой и псевдозначимой музыкальной заставкой: он смотрел сериал. Как раз в это время в дверь уверенно и настойчиво постучали. Марта Богуш встала и открыла. Сразу едва уловимое чувство опасности охватило её.

— Здрасс...

В прихожую деловито ворвалась Ульяна — подруга Дениса: чёрненькая, с немытыми жирными волосами, странноватой, со скошенным затылком, головкой — такие бывают у детей, которые в первые месяцы жизни лежат, спелёнутые, исключительно на спине. Её остренькое вульгарно-смазливое личико не выражало, как всегда, ничего.

Она без приглашения сняла мокрую заношенную куртку, бросила её прямо в угол (петля, чтобы повесить на крючок, на ней по-прежнему отсутствовала) и, не обращая внимания на неё, хозяйку дома, проскользнула в комнатуху. Марта Богуш знала, что Ульяна на год старше её Дениса. Переходный возраст, — привычно успокоила она себя, наблюдая, как дверь с треском за-

СТАНКЕВИЧ Юрий родился в г. Борисове. Окончил факультет журналистики БГУ. Работал в борисовской газете “Коммунистическая работа”, журналах “Малодосць” и “Крыніца” Член Союза белорусских писателей. Автор книг “Любить ночь – право крыс”, “Оплодотворение остолопа”, “Миллиард ударов”, “Пиявка” и других. Живёт в Борисове.

крылась и щёлкнул замок. Из комнатухи послышался Ульянин голос, а потом стало тихо.

Тихо, как она знала, будет достаточно долго. Что они там делают — неизвестно: женщина гнала прочь рискованные предположения. Потом они включают видеомэгнофон и будут смотреть одну за другой очередные серии популярной киноленты, которая самой Марте Богуш не то чтобы не очень, а вовсе не нравилась. Недавно Денис приобрел эту ленту в магазине на выпрошенные у неё и частично украденные, как она подозревала, деньги. “Возраст, — думала она, — такой возраст”. Сериал они смотрят четвёртый раз подряд. Завтра в школу он, ясное дело, вряд ли пойдёт. Точнее, сделает вид, что пойдёт, а когда она позвонит учительнице, та скажет обычное: “Нет, сегодня не являлся, так что принимайте меры...”

Когда ещё был жив муж, меры принимали разные, но сладить с приемышем они так и не смогли. “Хотя, скорее всего, — опять успокаивала себя женщина, — во всём виноват всё тот же переходный возраст. Переходный от чего и к чему? Вероятно, к готовности размножаться — отсюда неслыханный всплеск гормонов, неадекватные выходки, граничащие с психическими реакциями, и малообъяснимые явления, чуть ли не полтергейст в квартире. И такое не однажды, как она где-то читала, происходило”.

Случалось и так, что в школу ходили втроём. Она с мужем, словно конвоиры сзади, а впереди их пятнадцатилетний Денис. В вестибюле он раздевался, но куртку в гардероб не сдавал — они её забирали до вечера, чтобы он не сбежал с уроков, а после занятий, одетого под их присмотром, сразу уводили домой. В классе, по словам учительницы, Денис был почти незаметен, вёл себя тихо и даже досиживал до окончания уроков, но как только его куртка по каким-нибудь причинам оказывалась в гардеробе, то на первой же перемене он исчезал. Где он в это время был, чем занимался, никто не знал. На вопросы он отвечал всегда что-то невразумительное, а то и вовсе отмалчивался, был тихим, замкнутым, почти не спорил. Но незаметно начал красть из их кошельков, и деньги те исчезали неизвестно куда. Только однажды, совсем недавно, удалось отследить судьбу последней пропажи. На уворованное он нанял такси и ездил в пригород к этой самой Ульяне. Но кто такая эта девица, а тем более, кто её родители, она так до сих пор и не выяснила.

Несмотря на все созданные им воспитаннику самые благоприятные условия, родителей он определённо разве что терпел, во всяком случае, у женщины в последнее время сложилось именно такое впечатление. Чувств своих приемыш не афишировал, но время от времени Марта Богуш ловила его беспокойный взгляд — быстрый, пронзительный, недобрый.

Само собой, они с мужем никогда не позволяли себе по отношению к подростку никакого физического воздействия. Нечто подобное случилось только раз и сразу повлекло за собой неожиданные последствия. Однажды её покойный муж, у которого накануне из кармана исчезла крупная денежная купюра, схватил приемыша за ворот и хорошенько встряхнул его, но она, не теряя времени, вступилась за своего любимца. Тем не менее, Денис сразу скрылся за дверью своей комнатки, а через несколько минут предстал перед ними с верёвкой в руке.

— Видите петлю? — каким-то неестественно тихим голосом спросил он.

Её тогда сразу охватило дурное предчувствие, и сердце сжалось от внезапно нахлынувшего страха, но муж этого не уловил.

— И что?

— А то, что если вы меня хоть раз тронете или начнёте ещё как щемить, то я удавлюсь вот на этой верёвке.

— Да ты что? — растерялся тогда её муж. Он был довольно мягким по натуре человеком. — Разве мы для тебя чего жалеем? Разве не родные?

Лучше бы он не говорил банальностей и не задавал неуместных вопросов, потому что сразу глаза приемыша, пожалуй, впервые, впелись в них с откровенной злостью.

— Вы мне и не родные, и не родители. Я всё знаю.

* * *

Их приёмный сын Денис появился на свет в заброшенном посёлке километрах в тридцати от столицы, в оставленной, полуразвалившейся халупе. Наверно, зимой бывшие хозяева жить там уже не могли, а потом вообще решили не возвращаться. Но вот летом в хате вдруг появилась молодая женщина — по слухам, пришла откуда-то, на сносях, что не мешало ей частенько быть в подпитии, с неизменной сигаретой во рту — скорее всего, как считала Марта Богуш, какая-нибудь “залётная” нимфоманка. И родила она, как животное, одна, не только без помощи врача или акушерки, но даже соседей.

Младенцу не было ещё и недели, когда мать положила его, завёрнутого в пелёнки, на кровать, растопила печь и, закрыв выюшку, исчезла навсегда.

Соседи случайно заметили, как дым просачивается через дверь и полуразбитые окна, бросились в хату и спасли дитя. А через год они с мужем собрали соответствующие документы и усыновили мальчика, забрав его из интерната.

* * *

Женщина по имени Марта Богуш по-прежнему сидела в кресле, но беспокойство не покидало её. Так всегда происходило в последнее время, когда к ним являлась эта Ульяна, или приёмный часами сидел в своей комнате перед видеомангитофоном или просто так, сложив на коленях руки с ненормально длинными пальцами, — а о чём он думал, она никогда не знала.

Денис не интересовался ничем, ну, разве что в самом начале, когда ему приносили что-то новое. Так, в прошлом году дня два побренчал на гитаре, а потом навсегда забросил её под кровать. Чтобы научиться играть на таком относительно простом музыкальном инструменте, нужны были, как теперь прикидывала она, терпение, увлечённость и, в конце концов, хоть какой-то талант. Та же участь постигла компьютер, хоккейную амуницию, ружьё для подводного плавания, рыболовные снасти. Женщина с удивлением поняла, что всё это было для него обузой.

Она вспомнила, как однажды муж, тем не менее, пришёл домой довольный и сразу позвал Дениса. Тот неохотно вылез из своего угла.

— Знаешь, старче, я тебя в престижную спортивную секцию устроил.

— Это ещё что за секция?

— Кикбоксинга. Вот и снарядные перчатки тебе сразу купил. Встретил я тут давнего друга, одноклассника. Он теперь завучем в спортивной школе. Завтра пойдём и, так сказать, оформимся официально.

Денис на это никак не отреагировал, но пойти завтра в спортзал согласился. На тренировки он ходил три раза. В первый раз его нагрузили общефизическими упражнениями, во второй — тренер учил основам и, как водится, в третий раз поставил его в спарринг с более подготовленным ровесником, чтобы проверить, как он привык делать, не только физические, но и морально-психологические качества ученика.

В первом же раунде, получив чувствительный удар в лицо, новичок весь затрясся, побелел, бросился на противника и укусил того за шею так, что едва оторвали. Ясное дело, его сразу отчислили.

Второй странный случай произошёл в школе. Как женщине опять-таки рассказывала учительница, на перерыве кто-то из мальчишек, гораздо сильнее их приёмыша, то ли специально, то ли случайно зацепил его. Потом так и не разобрались. В ответ Денис выхватил из кармана ручку и острый её конец вонзил товарищу в плечо. А целился ведь в голову, мрачней, рассказывала классная, а что, если бы попал, например, в глаз? Или в сонную артерию?

* * *

Марта Богуш, женщина пятидесяти пяти лет, с семью уже висками, сидела в кресле и прислушивалась. Тишина. Что они там делают за закрытой дверью — неизвестно. Однажды муж, когда ещё был жив, вспомнила вдруг

она, обнаружил, что дверь в комнату, куда как раз явилась гостья, осталась открытой, и зашёл туда по какой-то надобности. Что он там увидел, он ей так и не сказал, даже значительно позже, но в ту минуту она, сжавшись, услышала его крик: “Вон отсюда!” — и увидела, как он вытащил за руку девушку, которую звали Ульяной, и вытолкнул за дверь, на лестницу, выбросив вслед куртку.

Что он там увидел?

Женщина жалела его, обвиняя во всём себя: так и не смогла родить ему ребёнка, не выполнила свой, хоть и не установленный никем, долг перед семьёй, перед природой.

Как раз после того случая муж, который уже был в пенсионном возрасте, стал болеть. У него начались проблемы с желудком, появились симптомы внезапной слабости, а однажды женщина заметила, что он начал странно желтеть: кожа на руках, ногах, на лице приобретала цвет разбавленного яичного желтка.

* * *

Тишина. Женщина по имени Марта Богуш по-прежнему сидела в кресле и думала о том, что она всё-таки по-своему любит своего Дениса. Несмотря на все неожиданности и не совсем приятные отклонения, потому что всё это издержки всё того же переходного возраста, не иначе. Она помнила его совсем маленьким, никому не нужным и слабым, болезненным, а потом он незаметно вырос и в последние годы, вспомнила она, ни разу не болел даже гриппом.

Вот только девушка. Когда она появлялась в квартире, женщина почему-то испытывала странный ужас. Хотя, казалось бы, что может быть ужасного в девчужке подросткового возраста? Может, с её стороны это обычная ревность к Денису, думала Марта Богуш. Если же им нравится быть вместе, пусть дружат. Только, только...

Что тогда муж там, в комнатке, увидел?

Женщина вдруг поднялась с кресла. Вставала она теперь с трудом. Но ведь ей уже за пятьдесят. Тоже переходный возраст, разве что только наоборот. Она подумала о том, что уже давно пора идти на кухню и готовить ужин, но как раз в этот момент дверь комнаты приемного сына открылась, и он вышел оттуда, но не один, а вместе с Ульяной.

Выражение лиц у обоих было довольное и в то же время подозрительно настороженное, словно они там, в комнатке, пришли к какому-то неведомому ей выводу. Волосы на яйцеподобной, с узким лбом голове Дениса были, как всегда, расчёсаны на ровный пробор, тонкие губы в уголках рта едва заметно кривились, а тёмные беспокойные глаза смотрели куда-то в сторону.

Зато Ульяна сразу отыскала её глаза, победно выдержала паузу и тряхнула головой, отбрасывая сальную прядь, потом перевела взгляд на приёмша. Тот сказал: “Уля сегодня никуда не пойдёт”.

Женщина молча ждала продолжения.

— Она... ну, вообще, останется здесь и будет жить с нами...

(“Вот оно что, — подумала женщина. — Чего-то подобного и надо было ожидать, но ведь это, это...”)

Но Денис прервал ход её мыслей, добавив едва сдерживая удовольствие:

— Ты же не против, мама?

Женщина молчала. Вдруг, как это часто случается, словно пелена с её глаз спала, и сознание холодно, будто со стороны, начало оценивать то, что, пожалуй, давно происходило в квартире, в которой она, как до этой минуты тешила себя надеждой, была хозяйкой. Словно впервые она увидела, как приёмши ждал, вынюхивал, стараясь вывести её из себя, и тонко, безнаказанно заглушить её стремление к сопротивлению. Ужас уже пророснул в ней и постепенно рос, становясь всё сильнее.

— Нет, я, конечно, не против, — сказала Марта Богуш, а про себя подумала: “Лучше так, иначе будет хуже, они же войны хотят”.

Женщине почему-то вспомнились все события последних лет, так или иначе связанные с её приёмным сыном, которые, как она теперь понимала, характеризовали его совсем не так, как ей раньше казалось. Переходный возраст? Но можно ли им оправдать, например, постоянное воровство денег из кошелька? Или затаенную жестокость, которая легко может перерасти в ернический садизм? Кем были его настоящие родители? Живы ли они теперь? Почему они восприняли данную им жизнь как площадку для удовлетворения своих животных инстинктов? И почему именно она должна теперь расплачиваться за это?

Они, её Денис с Ульяной, пожалуй, не ожидали, что она согласится так быстро. Им, как она теперь догадывалась, хотелось покуражиться, оплести её паутиной заранее заготовленных, двусмысленных слов, в конце концов, исподволь запугать её, не иначе.

— А, хорошо, хорошо, — закивали они, — значит, не против? Значит, Ульяне можно курить в комнате? Ну, конечно, она будет открывать форточку. Не выходить же ей каждый раз на лестницу?

— Можно, — ответила она.

— И ходить в ванну?

— Можно.

— И одевать время от времени твоё пальто? У тебя же их два?

— Можно.

— И?..

— Можно.

Они одолевали легко, совсем легко, но теперь она знала, что если в доме завелась гниль, то именно она будет верховодить и побеждать — такова логика жизни. Избавиться от неё можно, только выжигая её огнём или покидая поле боя. Однако же она, несмотря ни на что, навсегда привязана к приёмному и идти ей некуда. Куда, в самом деле, она уйдёт? А его, кстати, охраняет закон, и он, пожалуй, всё давно просчитал. Пройдёт ещё три года, и он достигнет совершеннолетия. И что тогда? И тогда, если она дотянет до того времени, — что изменится? Тысячи, десятки, сотни тысяч детей страдают по вине родителей, но и тысячи родителей мучаются с теми, кого родили. О чём это говорит, кто ей ответит?

Наконец, удовлетворённые, они ретировались. Два молодых, сильных тела, чуждые всякой морали. И ей против них не выстоять.

Яйцо кукушки требует деликатного обхождения.

Из кухни давно тянуло запахом подгоревшей еды, и женщина по имени Марта Богуш встала с кресла и заторопилась туда, чтобы довести приготовление ужина до конца. Они втроем сядут за стол и поужинают. Она будет приветливо улыбаться, угощать их и предлагать им самые лучшие и вкусные куски.

(“Яйцо подброшено в чужое гнездо, но вот птенец вылупился и начал во всю проявлять природные инстинкты”.) Она готовила ужин и вдруг подумала о том, что ей совсем не хочется есть: желудок в последнее время на всё откликнулся болью. Женщина почувствовала тревогу, ей стало жутко. Марта Богуш подошла к зеркалу и заглянула себе в глаза. На неё смотрела усталая женщина с почти старушечьим лицом. Кожа на лице была жёлтая — цвета раздавленного желтка. Такое же лицо в последнее время было у мужа. Страшная мысль вдруг сковала её сознание, но женщина поспешно отогнала её.

“Чтобы выжить, птенцы кукушки делают своеобразную “зачистку” — выбрасывают из гнезда лишних...” — думала она.

Нет, всё это просто страх и нервы, в её возрасте — обычная вещь, успокаивала себя женщина. Сейчас она вернётся в кухню и приготовит вкусный ужин. На троих.

Миллиард ударов

Крыса не раз путешествовала на лифтовом канате с этажа на этаж, поскольку дом был старый, и в поисках еды у неё было много конкурентов. Ей перевалило за два года, и она безошибочно чувствовала, что жить оставалось

недолго. Сейчас она вцепилась когтями в рельефные выступы тросиков и замерла в ожидании: днём, особенно утром и вечером, лифт двигался вверх-вниз почти непрерывно, замирая разве что ночью. Крыса немного расслабилась, длинный хвост её свесился вниз, сердце билось ровно — двести шестьдесят циклов в минуту.

Наконец в лифт зашли. Человек, как подсказывала ей интуиция, был один. Пассажир нажал кнопку, внутри что-то щёлкнуло, загудело, и лифт поехал вниз. Небольшой блок ограничения скорости начал вращаться, стремительно ускоряя обороты: обычное дело, если бы не один незначительный нюанс, который касался непосредственно крысы и непредсказуемо изменил ситуацию. Сказался возраст животного — подвела сила мышц, острота зрения и слуха, да и просто реакция на опасность: хвост неожиданно попал в блок и сразу же намотался на цилиндр. Крыса была мгновенно затянута внутрь и моментально раздавлена. Трос автоматически сбросился.

Лифт остановился.

* * *

Человек по имени Павел Дук торопился. В прихожей, на выходе из квартиры любовницы, он мельком взглянул на себя в зеркало, критически усмехнулся и пригладил волосы. Он был уже не молод, имел лишний вес, но широкие плечи и узкие бедра скрадывали эти не очень существенные, по его мнению, недостатки. В зеркале он увидел ничем не примечательное лицо лысеющего мужчины с прямым носом, серыми глазами и впалыми щеками.

Любовница — женщина лет сорока, дородная, но без явных жировых отложений, темноволосая, с чувственным ртом, — набросив халат, вышла проводить его и закрыть дверь. Её пышная обнажённая грудь выпирала из-под халата, а голова, когда женщина прильнула к нему, доставала ему почти до подбородка. Мужчина вдруг почувствовал, как опять проснулось желание, но заглушил его и торопливо поцеловал женщину на прощание.

— Созвонимся, — сказал он, выходя на лестничную площадку. Это был последний, девятый этаж, и человек по имени Дук поспешил к лифту. Он нажал кнопку вызова, дверь почти сразу открылась — лифт был рядом.

Уже в кабине, отыскивая при слабом свете плафона кнопку первого этажа, он мысленно опять вернулся к тем двум-трём часам, проведённым в квартире любовницы. Их связь длилась уже несколько лет. Мужчина иной раз задавался вопросом: почему его неудержимо тянет к этой женщине? Ведь его жена ни в чём ей не уступает — и красивее, и нежнее. Любовница же иной раз была прямо-таки вульгарной, несдержанно-похотливой, но искренней в своих чувствах и не стыдилась этого. Прокручивая теперь в голове минуты, проведённые с ней в постели, мужчина облизал внезапно пересохшие губы и опять почувствовал, как его исподволь охватывает желание. “Разве ж эта женщина, если бы он, к примеру, на ней женился, оставалась бы для него все такой же привлекательной? — думал он. — Вполне вероятно, что всё могло быть наоборот: он стал бы к ней равнодушен, а законная жена, встретить он её в то время, превратилась бы во всегда желанную любовницу”.

Кабина лифта качнулась и двинулась вниз. Быстротечные мысли между тем вернулись к повседневным заботам: вот он явится домой и примется объяснять жене причину своего опоздания. Потом мужчина вспомнил о служебных обязанностях: с утра надо было согласовать ряд вопросов с базовой фирмой. Человек по имени Павел Дук работал начальником отдела маркетинга препаратов узкого профиля. Вдруг в кабине, прямо под ногами, что-то глухо щёлкнуло, и лифт остановился. Мужчина начал беспокойно искать глазами панель и нажимать на кнопки, но безрезультатно. Его неожиданно бросило в жар. Слабая волна пока ещё неосознанного страха пробежала по телу.

“Без паники, — приказал себе человек по имени Павел Дук и обвёл глазами все четыре стены кабины, а также потолок и пол под ногами. — В конце концов, ничего не случилось, он просто застрял, но через секунду-другую вызовет дежурного диспетчера или ещё там кого, и его вызволят. Правда,

это произошло с ним впервые, однако же о подобных случаях он знал, даже видел в каком-то комедийном фильме или слышал в юмористических капутниках с участием знаменитых комиков”.

Но уже первый, весьма поверхностный осмотр камеры его временного содержания вызвал в душе новую, безотчётную волну страха. Кнопка вызова дежурного диспетчера была вырвана “с мясом”, содрана была и табличка с номерами аварийных телефонов.

Мужчина привычно опустил ладонь в карман, где всегда лежал тёплый прямоугольник мобильного, и — похолодел. Лицо его покрылось потом.

Мобильника не было. Он предусмотрительно оставил его дома, чтобы жена не докучала. Мало приятного, когда в разгар интимных ласк “труба” вдруг начинает наигрывать призывную мелодию. Так, сейчас надо было, во-первых, не поддаваться панике, а во-вторых, спокойно искать выход. Должен же быть в его ситуации какой-то выход?

“Вентиляция”, — подумал он. Ему нужен свежий воздух, потому что неизвестно, сколько времени он просидит в этой коробке, может, даже до утра.

Он опять ужаснулся: подростками вентиляция была сплошь забита и зацементирована жвачкой, и мужчина сразу же ощутил острую нехватку кислорода — вот-вот начнётся приступ удушья. “Но ведь это всего только шумение, — убеждал он себя, — воздух просачивается через всякие незаметные щели, проникает под дверь, а он в кабине один и ему вполне хватит кислорода”.

Человек по имени Павел Дук набрал в лёгкие как можно больше этого самого воздуха и крикнул:

— А-а-а-а-а!

И опять:

— Помогите!

А потом начал барабанить в стены кабины и в дверь ногами:

— Лифт остановился! Слышите, кто-нибудь?!

И опять уже на выдохе:

— Помогите!

Ответом было молчание. Мужчина замер и прислушался. Тишина. Страх с новой силой накатил на него, и он с отчаянием понял, что если не возьмёт себя в руки и не сумеет успокоиться, будет хуже. Тем более, он уже имеет проблемы с сердцем и гипертензию, пусть себе и в начальной стадии, но от этого не менее опасную.

Мужчина нащупал пульс и поднёс к глазам часы. В тусклом свете оплавленного спичками и окурками плафона он принялся считать.

Он насчитал почти тридцать циклов, пока секундная стрелка часов пробежала четверть циферблата.

“Почти сто двадцать, — мысленно запаниковал он. — Тахикардия на грани срыва, к тому же затылок сжимает. Давление”.

Но он сразу же принялся успокаивать себя: например, у американских астронавтов, когда они спускались в модуле на Луну, а потом выходили из него на поверхность, пульс, как отметили в Центре полётов, был около ста двадцати циклов в минуту. Так это же происходило на Луне, а он находится на Земле, даже неподалёку от своего дома, всего в нескольких остановках. Ну, а то, что он застрял в лифте, так это мелочь, достойная разве что смеха. В конце концов, лифтом всё время пользуются, люди обнаружат, что кабина не работает, сообщат, кому надо и его освободят.

Мужчина даже деланно усмехнулся и вдруг вспомнил про таблетки от давления, которые в последнее время нет-нет да и носил в карманах. Он ощупал их: один, второй, третий, но ничего, кроме перочинного ножика и портативного калькулятора, который неизвестно как здесь оказался, не обнаружил. “Видно, таблетки остались в другом пиджаке”, — подытожил он, и опять почувствовал, как холодеют спина и ладони.

Сердце билось в прежнем ритме. Человек по имени Павел Дук неожиданно вспомнил известные ему факты, которые теперь почему-то всплыли в памяти. Проведённые расчёты по частоте сердечных сокращений для разных видов животных совпадают с фактическими величинами продолжитель-

ности их жизни. Сердца животных за период жизни делают приблизительно одинаковое количество сокращений: в пределах одного миллиарда.

Однако же и человек, как утверждает современная наука, — животное, пусть себе и развитое.

Миллиард ударов.

Чтобы занять чем-нибудь свои мысли и успокоиться, а этого надо было добиться любыми путями, мужчина вытащил калькулятор и принялся подсчитывать: в одной минуте — шестьдесят секунд, что приблизительно соответствует такому же количеству сокращений сердечной мышцы. В шестидесяти минутах содержится три тысячи шестьсот, в сутках — восемьдесят шесть тысяч четыреста, в месяце — два миллиона пятьсот девяносто две тысячи, в году — тридцать один миллион сто четыре тысячи циклов, в шестидесяти годах — ...получалось немногим более миллиарда. Но продолжительность жизни современного человека искусственно увеличивают гигиена и медицина, а раньше люди вообще не жили больше сорока лет, прикидывал он.

Манипуляции с цифрами, тем не менее, не дали никакого результата. Страх с новой силой охватил его. Мужчина начал бить в стены кабины кулаками, а потом и ногами, пока наступающий припадок удушья не остановил его. Он сбросил пиджак и рванул ворот рубахи.

“Клаустрофобия?”

Действительно ли он страдает клаустрофобией? Человек по имени Павел Дук начал лихорадочно перебирать в мыслях прошлое — возможно, с ним уже случалось что-то подобное? На первый взгляд, ничего такого как будто не обнаруживалось. Однако же и ситуации, подобной нынешней, он не мог припомнить. Проверить это не было случая, впрочем... впрочем, вот оно: неожиданно воспоминание тридцатилетней давности услужливо выплыло из глубин памяти. Да, это было давно, в студенческие годы, когда он жил в общежитии. Он привёл девушку своего факультета к себе в комнатушку, но кроме него там жили ещё трое его однокурсников, и оставлять её на ночь было никак нельзя. “Комендантская как раз свободна, — дали ему совет, — комендант в отпуске. Только вот замок там трудно открыть, еле ключ подобрали”. Но об этом он знал и сам.

Они выпили вина, выкурили по сигарете, и он помог ей снять с себя одежду. Но она вдруг вспомнила, что забыла в его комнате “косметичку”.

— Потом заберу, там всё равно ничего особенного нет, — сказала она.

— Я принесу, — услужливо предложил он, ощущая надобность сбежать в туалет. Сказать об этом постеснялся, благо причина нашлась сама: сходить за оставленной “косметичкой”.

Но дверь не открывалась. Ключ был намертво заблокирован в замке.

И он сразу же почувствовал страх, нахлынувший ниоткуда: комнатка, минуту назад казавшаяся уютным гнездышком, вдруг мгновенно превратилась в опасную западню. Ключ упрямо не поворачивался, руки тряслись, а движения стали суетливыми, как у безумца.

— Да брось ты, — посоветовала ему девушка, — потом откроем, иди ко мне.

Преодолевая ужас, он вернулся в постель, разделся, но желание, снедавшее его минуту назад, пропало. Вместо него с новой силой навалился страх.

Тогда он вскочил и, не обращая ни на что внимания — ни на свои руки, ни на язвительную улыбку девушки, ни на поднятый им излишний шум, — начал выбивать дверь.

И как только она открылась, страх исчез, будто его и не было.

Теперь мужчина уже смутно помнил, чем закончилось любовное приключение. Скорее всего, а, несомненно, так оно и было, девушка сразу ушла, а он вернулся к себе, упал на кровать и забылся тяжёлым сном.

“Ужас”.

Человек по имени Павел Дук почувствовал, что ему становится по-настоящему плохо. Руки похолодели, а ноги утратили способность держать вес тела, и он, спиной по стене, съехал вниз, на пол.

“Опасность”.

Степень этой опасности он осознал только сейчас. Действительно, он не молод, и как все люди в его возрасте, имеет изрядный “букет” болезней, некоторые уже явственно проявились, другие находятся в зародышевом состоянии. Многие его ровесники внезапно умирают, к удивлению знакомых и родственников. Умереть не сложно. Что такое существование человека? Как он когда-то вычитал, а теперь вспомнил, тонкая красная нить, которая сразу рвётся, если сила жизни возобладает. А красная потому, что живая: красный цвет — цвет крови.

В конце концов, в его положении это не что иное, как пустые разглагольствования, оборвал он себя. Когда дверь этой западни откроется, то его, вполне возможно, найдут на грязном, заплёванном полу, с синим обезображенным лицом, под стенами, испещрёнными гнусными словами, отвратительными в своей предельной мерзости. Можно только представить, какие психические отклонения водили рукой тех, кто это писал... Вызовут “скорую помощь”, потом жену, подключат вечно всем недовольных милиционеров-тугодумов. Интересно, что подумает жена, когда обнаружит его тело в этом районе, в незнакомом доме — месте, никогда ранее им не упоминавшемся? Взрослые дети? Впрочем, тогда ему будет на всё это глубоко наплевать. Пожалуй, что так.

Новая волна страха накатила на него.

— Помогите! — опять закричал он что есть силы.

Молчание.

Безусловно, он теперь как раз в том возрасте, когда его сердце уже работало свой миллиард сокращений, — думал мужчина, — а это значит, что надо подготовиться и встретить неизбежное без лишних волнений и жалоб на судьбу. Разве смерть, всегда находящаяся, как он однажды вычитал у Кастанеды, рядом с нами, за спиной с левой стороны, на расстоянии метров полтора, может проявить к кому-нибудь интерес, сочувствие, милость, ещё какие-нибудь чувства, кроме безразличия и враждебности? Конечно, нет. Однако же человеку, если он осмотрителен и не лишен интуиции, стоило бы не сетовать на эту извечную враждебность, не бояться, не враждовать в ответ, а, наоборот, попытаться подружиться с ней и прийти к согласию.

“Не бояться?”

Мужчина готов был поклясться, что его теперешнее состояние как раз не является боязнью смерти. “Здесь что-то совсем иное, необъяснимое, возможно, какая-то патология, годами дремавшая в нём, не имевшая случая проявиться”, — лихорадочно рассуждал он. Бояться же люди темноты, замкнутого пространства или, наоборот, бескрайнего и открытого, молний, пауков, мышей, громких звуков, вида крови, глубины, змей, да мало ли ещё чего. “Может, и он из этой категории? Фобиями страдают почти все. Однако же нет, здесь не совсем так, — пытался он анализировать и доказывать самому себе. — Чего именно он боится? Замкнутого пространства? И только? Этот фактор, несомненно, присутствует, но вряд ли он имеет существенное значение, нет — здесь не то. Тогда что?”

Ответ был на первый взгляд простым. Он боится погибнуть вот так глупому, нелепо, и не достичь своей цели. У каждого человека — своя цель. Можно разбогатеть, удачно жениться, или, как говорят в простонародье, высоко взлететь, вырастить и хорошо устроить детей, но при всём при том не быть счастливым в этом конформистском мире. Счастливым можно быть только тогда, когда достигнешь цели. “А я достиг своей цели? Вообще, какая она у меня? — думал человек по имени Павел Дук, перебирая мысленно отдельные факты жизни, какие-то несущественные усилия, слабые попытки, мелкие стремления. — Доволен ли я своим нынешним положением? И чего конкретно я хотел, считая от сознательного возраста — приблизительно двадцати лет — до настоящего времени? Эти желания осуществились?”

И была ли вообще у него цель?

Мужчина припоминал разве что отдельные моменты чего-то аморфного, бесформенного. Сначала его целью было стать студентом, потом окончить институт, и он этого добился, несмотря на нищету, голод, одиночество. Потом, с трудом перенося духоту системы, решил бежать за границу, но бегство

в результате предательства тех немногих, кому доверял, не состоялось. Его следующей целью была любовь, но и здесь его ждало обычное непонимание, а потом измена. Наконец он решил, что его цель после брака с женщиной, которая доверилась ему, достичь определённого достатка, воспитать детей, но вот дети выросли, а он, как говорится, должен уйти со сцены, ибо биологический барьер уже преодолён, и природе он, отработав свой миллиард циклов сердца, больше не нужен.

Неожиданно мужчина ужаснулся. У него не было цели. “Но я платил добром тем, кто мне доверялся, — мысленно оправдывался он. — И сама жизнь — разве она имеет цель?”

Вдруг свет в оплавленном от спичек и окурков плафоне слабо замигал и погас.

Мужчина оказался в темноте. Мрак значительно ухудшил его состояние, но заставил настойчиво искать пути к избавлению. “Если мне уже совсем хана, то и бояться нечего”, — убеждал он себя. Самое опасное, что сейчас напрямую угрожает ему, это высокое давление и тахикардия. Обе причины не представляют опасности для молодого организма, но для него это может закончиться тяжёлым сердечным приступом, и помощи ему ждать неоткуда. Когда его, в конце концов, найдут и вызовут из этой душной клетки? Возможно, он вынужден будет находиться в ней гораздо дольше, чем рассчитывает. Как и сколько времени будет тянуться это “дольше”?

“Однако же, — рассуждал он, — надо относиться к любой беде, а в его случае к маленькой разновидности техногенной катастрофы, с холодным спокойствием. Мы давно живём в мире, где личная безопасность стала иллюзией. И мир этот настолько сложен, что катастрофы, которые он порождает, невозможно предупредить только по одной причине: они абсолютно не предсказуемы”.

Ему вспомнились события совсем недавнего прошлого, о которых сообщалось в прессе. Например, в Стокгольме, когда там случился пожар в туннеле, где был проложен электрический кабель, места, снабжённые электросистемами, сразу оказались отрезанными от цивилизации. Перестали работать водопровод и проводная телефонная сеть, от перегрузки вышла из строя и сотовая связь, а на улицах с наступлением темноты сразу появился криминал. Или когда от удара молнии произошёл крупнейший сбой в системе всей мировой энергетики и больше суток такие мегаполисы, как Нью-Йорк, Оттава, Детройт, Монреаль и другие города, оставались без света. Остановились поезда в метро, лифты небоскрёбов, погасли светофоры, в краны не поступала вода.

Как чувствовали себя тогда некоторые люди — его собратья по несчастью? Заблокированные в вагонах подземки, в лифтах, в обстановке неопределённости и страха?

Руки его по-прежнему тряслись, когда он снова начал лихорадочно ощупывать карманы. Носовой платок, расчёска, открытая пачка с контрацептивами, блокнот, шариковая ручка, перочинный ножик...

“Перочинный ножик?”

В темноте мужчина вытащил маленький, почти декоративный складной ножик, который носил на всякий случай, как это делает большинство людей: им можно заточить карандаш, порезать хлеб или бутерброд, откупорить бутылку да мало ли ещё что. Он вытянул лезвие из паза и потрогал пальцем. Лезвие было острое, он сам однажды в свободное время наточил его.

Сердце по-прежнему колотилось в груди.

Миллиард ударов. За ним уже край...

На запястье левой руки он нащупал выпуклый бугорок, где бился пульс, прижал к нему лезвие и, стиснув зубы, провел по вене. Из ранки сразу брызнула и потекла кровь. “Кровопускание — самое простое и эффективное средство от высокого давления и лучшее предупреждение апоплексического удара, если нет больше никаких других средств, — вспомнил мужчина. — Основное средство, которым, кстати, пользовались в древности лекари. Разве что применяли ещё пиявки...”

Тёплым ручейком кровь струилась из ранки на руке. Может, впервые за последнее время человек по имени Павел Дук почувствовал, что к нему воз-

вращается надежда. Сколько он уже здесь сидит, во тьме и скрежете зубонном? Час, два, пять? Но теперь он способен перехитрить надменную судьбу, которая обошлась с ним так немилосердно.

В темноте он не мог разглядеть циферблат, но безошибочно определил, что пульс замедлился, и ему стало немного лучше. Правда, подступили непривычные апатия и слабость, но впервые начал отступать страх.

“Страх. Вот причина. Вот почему смерть, которая всегда у нас за спиной на расстоянии вытянутой руки, приближается вплотную и по-дружески хлопает вас по плечу. “Пора, — говорит она. — Не надо бояться”.

Мужчина хотел было встать на ноги, но передумал: зачем напрасно тратить силы, когда их и так мало. Вдруг злость заклокотала в нём, но прошла очень быстро. И правда — на кого ему теперь злиться? На устаревшие технологии, на изношенную технику, на людей, которые не могут дать ему гарантию безопасности даже на примитивном, бытовом уровне, даже в этом похожем на гроб лифте, на их равнодушие, эгоцентризм?

“Но ведь так было и будет до скончания света”. Человек всегда остаётся одиноким перед роковыми силами природы, перед непостижимым Космосом. И что он сам в конце концов значит, на что годен, если ему отмерен всего лишь миллиард ударов сердца?

Тёплой тоненькой струйкой кровь из вены стекала по его ладони на пол. Другой рукой мужчина вытащил платок и держал его наготове, чтобы в нужный момент пережать ранку. Он чувствовал, что ему становится легче. Лучше потерять немного крови, чем жизнь. Ему вспомнилось, как он однажды сдавал кровь на станции переливания и как после этого в тот же день работал и ничего плохого с ним не случилось ни в тот день, ни на следующий, ни позже.

Ему теперь значительно лучше, даже в сон стало клонить, скоро его найдут, он вернётся домой, и, вполне возможно, будет вспоминать обо всем, что с ним случилось, с улыбкой. Разве что коллегам расскажет всю правду о своём приключении, однако больше никогда не будет пользоваться лифтами в старых, обветшалых домах. Нет, никогда не будет.

Мысли мужчины начинали путаться. Ему вдруг пригрезилось, что он идёт по лугу, покрытому цветами, нестерпимо терпкий аромат которых наполняет его лёгкие. Луг этот спускается вниз, ведёт к реке. Он уже видит эту реку, удивительно спокойную, неторопливую — ни одной волны, и вдали — другой её берег, но на тот берег ему и не надо, хорошо и здесь, в тени, среди цветов и тишины.

Мужчина встрепенулся. “Опасно впадать в сон, — подумал он. — Тем более, что кровь, пожалуй, ещё течёт из раны, а он до сих пор не перевязал её платком”.

Он пошевелился и осторожно перевязал тряпочкой запястье. Хорошо, что в голову ему пришла такая удачная мысль, и он так хорошо всё сделал: лёгкое кровопускание заменило искусственные лекарства, которые ещё неизвестно, помогли бы ему или нет. А так — всё отлично, давление снизилось, он спокоен, вот-вот его вызволят из этой клетки. И самое главное — исчез страх.

Человек по имени Павел Дук опять задремал. Но больше он не видел себя на речном берегу, утопающем в цветах. Ему вспомнилось детство, школьный класс, где он сидел за партой, а рядом с ним — Кривоножка, которую перевели в их класс из другой школы и которая хромала на одну ногу, за что моментально получила соответствующее прозвище. Кривоножка наклонилась к нему и шептала на ухо, просила, чтобы он не прогонял её со своей парты — ей неприятно и горько. Между ними лежала открытая книга с каким-то текстом, он начал читать, но очнулся.

Мужчина вдруг понял: этот сон из далёкого прошлого вовсе не случаен. Он тогда в присутствии всего класса во всеуслышание заявил, что отказывается сидеть с Кривоножкой за одной партой. Она пересела на другую парту, около двери, которая у них считалась самой непрестижной, и сидела одна. Все бы ничего, но через некоторое время Кривоножка наглоталась барбитуратов, и ее не смогли откачать.

Он не отплатил добром тому, кто ему доверился. Мужчина мысленно пытался убедить себя: девушка сделала это вовсе не потому, что он прогнал её. Но тогда — почему? А если именно это стало последней каплей, и тонкая нить не выдержала напора жизненных сил и порвалась?

Неожиданно он почувствовал, что лифт тронулся и поплыл вниз. “Ну, вот и дождался, — мелькнула мысль. — Минута, и он будет свободен”.

Действительно, кабина, так долго бывшая для него местом заключения, спускалась вниз, пока, наконец, не остановилась. Сработали механизмы и дверь открылась. В лицо ему ударил свет. Он начал вставать с колен, ему было трудно: тело налилось невероятной слабостью, ноги дрожали, но он сделал усилие, и вот он уже поднялся и сделал шаг вперед. Мужчина был несколько удивлён, что никто его не встречает, нет никаких спасателей, аварийщиков или ещё кого-нибудь. Вообще нет никого, только свет впереди, и он с радостной улыбкой устремился к нему навстречу.

* * *

— Здесь, пожалуй, всё прозрачно, — сказал судебно-медицинский эксперт, обращаясь к оперативнику в гражданском и двум милиционерам в форме, которые выносили тело и накрывали его целлофаном, — смешанная экзогенно-циркуляторная подострая гипоксия. Редко, но случается, особенно при ишемической болезни, к тому же боязнь замкнутого пространства. Что интересно, в аналогичных случаях люди ведут себя по-разному: одни спокойно дожидаются, когда их освободят, даже спят, если пьяные, иногда, заметьте, что-то читают, иногда злятся на лифтеров, а одна женщина, помнится, за несколько часов поседела, мужчина в годах свихнулся и его сразу отправили в “дурку”. Неясно одно: зачем воспринимать это всё так драматично и резать себе вены?

На улице с утра было сыро и пасмурно. Шёл дождь. Капли его попадали и под козырёк подъезда, где стояли несколько человек в ожидании спецмашины.